

Ирина Млодик

Жизнь взаимы

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Психологический бестселлер (Эксмо)

Ирина Млодик

**Жизнь взаимы. Как избавиться
от психологической зависимости**

«ЭКСМО»

2018

УДК 159.9
ББК 88.5

Млодик И. Ю.

Жизнь займы. Как избавиться от психологической зависимости /
И. Ю. Млодик — «Эксмо», 2018 — (Психологический бестселлер
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-089991-3

Многие из нас за свою жизнь хотя бы раз испытывали это потрясающее состояние – удивительного единства, ощущения участия в нерушимом и блаженном «мы». Эта книга о слиянии с другим, которое так похоже на любовь, что перепутать очень легко. Она состоит из двух частей. В первой части вас ждет рассказ о пути внутреннего преображения главной героини Тани, о ее взаимоотношениях с матерью и возлюбленным, об обретении самой себя. Во второй части автор – известный психолог Ирина Млодик – разбирает явление психологической зависимости как профессионал. Выбираться из таких отношений в одиночку – трудная задача. Чаще всего здесь нужен третий. Возможно, для начала им станет эта книга.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-04-089991-3

© Млодик И. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ	6
Часть первая. Слияние. История Тани	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Млодик
Жизнь взаимы. Как избавиться
от психологической зависимости

© Млодик И., текст, 2018

© Скобелкина К., иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Хватит быть хорошим! Как прекратить подстраиваться под других и стать счастливым

Боитесь говорить «нет»? Хватит игнорировать собственные потребности! Все беды от того, что мы так и норовим перекроить себя под ожидания окружающих, считает Тома Д'Ансембур. Эта книга научит вас улучшать отношения с окружающими, оставаясь самим собой.

Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя

Эта уникальная книга способна сделать ваши взаимоотношения с любым человеком, животным и даже самим собой гораздо лучше. Речь идёт о положительном подкреплении – самом надёжном и действенном способе влиять на поведение других. Вы узнаете, как заставить супруга раз и навсегда перестать ворчать; как научить трёхлетнего ребёнка вести себя прилично; как объяснить кошке, что не надо залезать на кухонный стол; как сподвигнуть начальника регулярно повышать вам зарплату; как улучшить свои собственные результаты в любой деятельности или избавиться от вредных привычек!

Нежное искусство посылать. Открой для себя волшебную силу трех букв

Сложно передать словами, какую эйфорию может испытать человек, просто послав в задницу то, что его достало. «Так почему бы не делать это регулярно?» – спрашивает немецкая писательница Александра Райнварт. Склонные коллеги, родительские чаты, офисные посылки во внерабочее время, заморочки по поводу объема талии – все это заслуживает быть посланным всерьез и надолго. Главное – подойти к делу с умом. Расставить приоритеты, взвесить «за» и «против» и технично посылать куда подальше все, что отравляет жизнь, и при этом не испытывать угрызений совести.

Жить на полную. Выбери лучший сценарий своего будущего

У каждого из нас не мало целей, которые пылятся на полке с табличкой «когда-нибудь». Когда-нибудь я построю дом, свожу родителей за границу, выучу иностранный язык, напишу книгу, встречу настоящую любовь, заведу ребенка. А что если взять и все «когда-нибудь» превратить в «когда» – с точной датой и временем? Авторы этой книги предлагают раз и навсегда отказаться от «заплыва по течению» и создать план своей жизни. Такой, который позволит сократить бессмысленную рутину и заняться тем, что по-настоящему важно.

Часть первая. Слияние. История Тани

Разрешите мне не дышать. Вдох – боль. Я не могу дышать пустотой. Как это больно – вакуум. Хочется скулить, кричать или убить. Найти правозащитную организацию, в которую подать петицию. Нельзя помещать людей в вакуум. Это слишком мучительно. Лучше убейте...

Он ушел... Она все пытается перевести слова в реальность. Не получается. Наверное, потому, что это не те слова. «Ушел» – это так буднично и просто, и это совсем не отражает случившегося. Он выпотрошил ее тело. Вскрыл, забрал все, что ему нужно, оставив лишь пустую, гулкую оболочку. Все, что ему нужно, – глупая надежда. Если бы ему было нужно хоть что-то от нее, она и сама отдала бы радостно и добровольно. Бери все что хочешь, только будь рядом. Не оставляй.

Сколько же дней прошло с той идиотской эсэмэски? Неужели всего пять? Кто после шести с половиной лет вместе пишет короткое и внезапное сообщение: «Нам нужно расстаться»? Кто поверит в то, что эти три слова не просто чушь, набранная вспотевшим пальцем кем-то в глупом телефоне, а внезапно всплывшая правда – кит-убийца из глубины чьих-то тайных желаний? Вот и она не поверила. Сначала. Так не бывает. На пустом месте. Между ее отпуском и его грядущей командировкой. В эпицентре их планов о том, чтобы снять «двушку», найти подарок на юбилей его отца, съездить в Аргентину следующей осенью, поменять его машину. Эта эсэмэска не от него. Глупая случайность, розыгрыш, шутка.

«Слушай, зачем так шутишь?»

«Я не шучу».

«Скажи, что это неправда».

«Это правда».

«С чего вдруг так резко?»

«Не резко, я все обдумал».

«У тебя кто-то появился?»

«Нет».

«Тогда зачем?»

«Я так решил».

«Ну что же случилось?»

«Ничего не случилось, просто я понял, что нам нужно расстаться».

«Как ты можешь решить что-то за меня, за нас?»

«Я за нас и не решаю, просто я ухожу».

«Ты не можешь уйти просто так, не поговорив».

Полтора часа бесполезных вопросов и дурацких, пластиковых, ни на что не отвечающих ответов. Ни один из них не укладывался в ее голову. Не могла поверить, что живое (так ей казалось) на ее глазах превращается в пластик. Не то! Не то! Она ждала других ответов. Бессмысленность ничего не значащих слов топила ее, повергала в отчаяние. Чужой, замкнутый, закрытый. Как будто заколдован. Она тянулась, гладила его по щеке, но он отодвигался быстро и инстинктивно, как от чужой руки. Сейчас она подберет слова, что-то сделает, и чары рассеются – не может быть, чтобы нельзя было разрушить это чудовищное колдовство.

Сейчас уже стыдно вспоминать те отчаянные попытки, вопросы, мольбы, прикосновения... В своей борьбе за сохранение прежнего она даже не заметила, как он начал смотреть на нее с суровой отчужденностью, а потом и вовсе стал опускать глаза, неприкрыто тяготиться каждой минутой и уходить, уходить...

Зачем ты так со мной? Это же по-прежнему я. Вспомни! Чужой, чужой, чужой... Как это мучительно, когда кто-то еще рядом, но уже недосягаем. Подводная лодка, которую ты

считал своим домом, оставляет тебя на необитаемом острове и медленно погружается в воду. И даже когда остаются лишь круги на воде, ты не можешь поверить, что тебя покинули навсегда. Оставили. Здесь. Одну.

Она не помнила той минуты, когда он ушел, перед этим собрав самые нужные ему вещи. Сидела, вцепившись в кухонную табуретку, и почему-то боялась пошевелиться. Тогда она еще могла дышать, только тихонько, чтобы не спугнуть, не разозлить его еще больше. Вдруг он успокоится и останется? Она же может сидеть тихо-тихо и совсем не мешать ему жить.

Тяжелее всего было по утрам. Ей почти каждую ночь снилось, что они вместе. Обычная жизнь, то на рынок идут, то почему-то на рыбалке вдвоем. Самое ужасное было просыпаться и понимать, что его нет рядом. Никакого «рядом» уже не будет. Одна. И вот тогда ей не хотелось дышать, точнее, она хотела бы разучиться. Перестать. Потому что нечем и незачем дышать. Нет внутри ни легких, ни сердца, ни смысла. Ничего. Пустая, несуществующая без него, лучше убейте. Но... никто не приходил убивать, наоборот, вокруг периодически кучками сбивались сочувствующие.

– Ну что ты так убиваешься по нему, брось. Ой, не первый и не последний. Сколько еще у тебя таких Вадиков будет! – бодро вещала Ларка, по-хозяйски замешивая блины, а потом шлепая тесто на шипящую сковородку на *их* кухне.

Наша кухня – какие сладкие слова, как больно от них – *наша*. Эту скатерть с дурацкой геометрией они покупали вместе перед каким-то Новым годом вечность назад. Кто лепит на скатерть такое? – возмущалось ее эстетическое чувство. Но ему тогда понравится цвет. «Голубое с желтым, смотри, как красиво!» – говорил он с блестящими от возбуждения глазами. Разве она могла не согласиться? Привычная трель капающего кран: так и не починил, сколько она ни ворчала. А занавески сама выбирала и потом еще страшно обижалась, когда он не испытал особого восторга от того, как здорово сочетается голубая кайма на них с фоном его дурацкой скатерти.

Господи... тошнит ее от этой кухни. Не *их* теперь – *ее* кухни, в которой все напоминает о нем. Так невыносимо напоминает. Надо, видимо, менять квартиру. В этой тошно. Мысли ползут медленно, их тягучий ритм разбивает лишь шипение раскаленной сковородки. *А вдруг вернется?* Хватит! Не стоит вскармливать пустые надежды, слишком уж тяжело от этих надежд, особенно когда ждешь-ждешь и уже устаешь ненавидеть соседей, которых привозит лифт, потому что, когда слышишь гудение лифта, все время думаешь, что это *он*.

От запаха блинчиков ее затошнило, да и не ела она давно. Похудела сильно и резко, килограммов на семь, что ли. Мама убеждена, что на пятнадцать. Так ей Ларка описала ее худобу, но Ларка всегда преувеличивает. Вот, подрядила подругу следить за ее питанием: «Блинчики Таньке приготовь. Блинчики-то она непременно съест, все детство от стола не могла ее отогнать, когда блинчики пекла, из-под руки выхватывала и съедала, обжигаясь!» (Просто готовила их мама раз в несколько лет, как же тут не выхватить.)

Послушная Ларка (а кто бы посмел перечить ее матери!), колдуя над блинами, повернувшись к ней крупным задом, крепко схваченным вызывающе алой юбкой, все повторяла и повторяла свой утешающий речитатив, перечисляя ее многочисленные достоинства, которые в ближайшее время непременно оценят мужчины.

Ларку она слушала вполуха. Смотрела в окно на мартовскую унылую весну и никак не могла понять, зачем ей кто-то еще, если ей нужен *этот*, а все остальные для нее не существуют.

Ей нужен *этот*, с кем ей нравилось делать все, включая решение нудных бытовых проблем. Даже прибираться ей хотелось вместе с ним, хотя у Вадика в семье мужчины вообще уборкой не занимались и ей с трудом приходилось уговаривать его хоть что-нибудь сделать, пока она пылесосит или отмывает унитаз. Было, конечно, досадно, если он в день уборки собирался идти играть в теннис. Но ведь у него всегда было так много желаний!

– А помнишь, как на корпоративе Вадик здорово придумал с шашлыками? Всем так понравилось... – сказала она, тоскливо водя пальцем по чашке. Эту чашку она ему подарила: из Греции привезла, когда его не отпустили в отпуск и она поехала туда на неделю с Маринкой.

– Тебе мяса, что ли, захотелось? Так давай я на рынок сбегаю, тут недалеко совсем, за полчаса управлюсь.

– Да нет, при чем тут мясо, – обиженно вздохнула она. – Просто вспомнила.

Ей просто очень хотелось снова и снова произносить его имя, слушать, как оно звучит. Хотелось хоть с кем-то поговорить о нем, рассказать обо всех этих дурацких мелочах, которые сейчас казались полными значения.

– А вот и нечего вспоминать. Что он придумал-то? В листьях каких-то мясо замариновал. Потом же шашлык не ел никто из-за этого странного запаха. Вечно он у тебя экспериментировал, вот и доэкспериментировался. Новатор, понимаешь... Садись давай, блины ешь, с чем ты их будешь? С маслом, сметаной, вареньем? – Ларка по-хозяйски рылась в холодильнике, который сама же и наполнила.

– Я не хочу блины...

– Не, ну здрасте, а для кого же я их пекла тут битый час? Давай садись. Молоко будешь? Или чай? Лучше с чаем, а то я масла не пожалела. А между прочим, он мне никогда и не нравился!

– Ну при чем тут ты?

– Как при чем? Я же человек со стороны. Я все вижу. Это вам, дурехам, как влюбиться, так любовь пеленой глаза застилает. А я сразу видела: предатель. Вот до всего ему было дело. Все хотел узнать, даже образования у него два было. Вот скажи, зачем ему два?

– А что тут такого? Умный просто, учиться любит.

– И что, в первый раз его плохо выучили?

– Ларка, слушай. Может, мне ему позвонить, спросить, когда оставшиеся вещи заберет? Вдруг я переезжать надумала и мне его вещи девать некуда.

– Что это ты надумала? Зачем тебе переезжать? У тебя до метро три минуты. Кто из такой квартиры переезжает? Да и Маринка с вас плату брала по-божески, где ты найдешь отдельную квартиру за такие деньги? Разве что за Кольцевой, а у тебя почти центр! – Ларка, домывавшая сковородку, повернулась к ней с угрожающим видом.

– Да я не про это... Ну как будто я переезжаю, понимаешь? Просто чтобы повод был позвонить. Чтобы голос его услышать... Как ты думаешь, что он сейчас делает?

– Повод! Вот так он и поверит, что ты съехать собралась! Как будто он не знает, как вам эта квартира досталась. Что если б не Маринкина доброта...

– Ну что ты все про квартиру! Я ж тебе про него.

Про него, про него... Когда же покинет ее это навязчивое желание говорить про него хоть с кем-то. Она даже думала кошку завести или собаку, чтобы с ними разговаривать. Но не было сил, за животными же ухаживать нужно. А ей самой хотелось стать кошкой в чьем-то чужом доме... Хотелось тереться о хозяйские ноги, а потом свернуться калачиком на чьих-то надежных коленях и почувствовать теплую руку у себя на спине...

Слезы опять полились против воли, ну когда же она перестанет реветь?

– Та-а-ак, нет, ну вы посмотрите, снова нюни распустила! – переполошилась Ларка. – Слушай, перестань уже по нему убиваться! Гос-по-ди... Ну хочешь звонить, на, звони.

Ларка быстро схватила свой телефон, нажала на кнопку набора и протянула ей.

– Зачем! – заорала она в панике и отбросила телефон, словно он был гремучей змеей.

– Вот чокнутая! – Ларка на лету подхватила трубку – Алё, Вадик, привет. Это Ларка. Чего делаешь? А... Слышь чего, тут Танюшка с тобой поговорить хочет. Почему сама не наберет? Да кто ж ее поймет... Страдает она по тебе, дураку... И чего страдает? На, даю тебе ее.

– Привет... – от звука родного голоса кишки свернулись в животе в тугой клубок, что-то внутри разбухло, и звук вышел сиплый, как из-под земли. Кровь гулко застучала в голове, она согнулась, пряди упали на лицо, захотелось спрятаться, свернуться, чтобы никто не видел. – Я хотела тебя спросить, когда ты забереешь свои вещи?.. Мешают? Да нет, не очень. Когда переезжаешь? В мае? К кому?.. Ну да, конечно, до мая не помешают. Да, пока.

Ей захотелось выть, или закричать и кричать долго-долго, пока не кончатся силы, пока стремительно образующая внутри нее дыра не разорвет ее на клочки, или что-нибудь расколоматить, расцарапать, например это глупое белесое лицо, которое зачем-то придвигается к ней близко-близко...

Очнулась она среди ночи, тело какое-то не свое и отзывается болью. Расстроилась: значит, все еще жива. Внутри что-то мешает. Наверное, сердце. Хорошо бы вынуть его и отправить в холодильник. Пусть лежит там, замороженное, и никому не причиняет боли. Зачем ей сердце? Только мешает, пусть бы и лежало отдельно. Встать все равно нет сил.

Она таращилась в темноту, думая о том, как бы перестать ощущать себя по-прежнему живой. *Настолько* живой. Сбоку, на гостевом матрасе, завозилась Ларка. Она осталась у нее ночевать, а это значит, что утром снова придется терпеть ее навязчивые попытки «поднять в ней боевой дух». Папа, большой начальник, «великий дэв», похоже, вылепил из Ларки настоящего бойца. Работала она парикмахером-визажистом, была востребованной, но чувствовалось, что ей «королевство маловато, развернуться негде».

Вылезти из постели, натянуть на себя в темноте что попало под руку и выйти за порог – задача несложная, но почему-то отняла много сил. Лифт вызывать страшно, своим гудением он перебудит весь дом. Стала спускаться по лестнице. Шла, будто древняя старушка: ноги дрожат, подгибаются, держат плохо...

А на улице – холод и темнота. Вот чего она на самом деле хотела. Не разговоров, не блинчиков. Пустота. Темнота. Холод. Чтобы заморозить сердце. Зачем ей оно? Ни к чему, только все время причиняет боль. Устала уже.

Тихо на улице, хорошо. Правильно. Как у нее на душе. Подтаявший и снова замерзший, грязный даже в темноте снег. Мерзлые лужи и колдобины. Редкая гадость московской весны, которая только начинается. Тяжело идти. Ноги не слушаются. Она и не знала, как тут тихо ночью. До проспекта далеко, там машины ездят, шуршат шинами, а здесь тихо. Спят все. Задрала вверх голову. Белесо-темное небо без звезд, темные силуэты домов, только парочка светящихся окон. Вон там... и там еще одно.

Интересно, почему люди за этими окнами не спят? Наверное, вон там живет мужчина, и ему приходится рано вставать, чтобы выйти в утреннюю смену, а может, наоборот, только пришел с ночной. Наверное, завод, цех, товарищи... Унылая такая жизнь, каждый день приходится вставать ночью. Унылая жизнь, зато никаких мучений и не надо все время ощущать, где у тебя сердце. А за другим окном, наверное, живет семья, и у них младенец не спит, колики наверное, и юная мать готовит ему укропную водичку. Да нет, если б младенец кричал, она бы услышала. А так – тишина. Может, мамочка просто кормит его или встала бутылочку подогреть. Сейчас покормит и снова ляжет в теплую постель, где крепко спит ее муж, ведь сегодня ее очередь вставать к ребенку, не его.

Да, муж, черт ее дери! Татьяна с непонятно откуда взявшейся яростью пнула полузамерзший сугроб. Даже у этой молодой дуры есть муж, который хочет от нее детей. А что есть у нее? Где ее муж? Почему она, как все, не мечтала женить его на себе? Не предпринимала попыток? Вот и был бы у нее сейчас муж, и не услышала бы она, как неповторимый бархатный баритон в телефоне сообщает о том, что в мае собирается жениться и переезжать к своей Юльке.

От этого имени у нее опять подкосились ноги. Наверное, никого в своей жизни она не ненавидела так сильно, как Юльку в этот момент. Чертова «почти главный босс» Юлька! Под

два метра ростом (на самом деле всего 182, но кому они нужны, точные цифры), с бюстом почти как у Памелы Андерсон (до ее медицинского апгрейда), ноги срослись с ушами, рыжая кудрявая грива, диплом МГУ то ли по социологии, то ли по маркетингу. Папочка, руководитель большой строительной компании, за недорого сдал им помещение под офис в аренду. Благотельница, понимаешь! Ненавижу!

От злости даже ноги как будто окрепли, и она пинала сугробы с непонятно откуда взявшимся воодушевлением. Она и не подозревала, что может так ненавидеть. Юлька, королева офиса, всеобщая любимица, «наша опора и надежда», ездит на *BMW*, отдыхает на Ибице, дружит с великими мира сего. Такую не то что переплюнуть, даже приблизиться невозможно. Куда ей, с ее провинциальным педагогическим, с ее зажатостью, с ее стандартным метр семьдесят, с «модной», по мнению Ларки, стрижкой на тонких и гладких, невнятного цвета волосах, которые Ларка все мечтала покрасить в «убедительный золотой блонд». С мамой, директором школы, с добрым, но пьющим отцом, с которым все детство нельзя было видеться под страхом смертной казни. Ведь в их семье он был человеком, «чье имя нельзя произносить», потому что ушел к «бесстыжей шлюхе», когда Тане не исполнилось еще и восьми.

Стыд от такого невыгодного сравнения потушил в ней ярость, и ноги опять потеряли силу, пришлось даже присесть на промерзшую скамейку. Она никогда не боролась за Вадика, даже когда и представить не могла, что Юлька перейдет ей дорогу. Она не умела бороться. Никогда не задавала вопросов: а когда мы поженимся? Не спрашивала: что же дальше? Ей просто казалось, что все хорошо: идет как идет. Весна сменяет зиму, лето – весну. Он рядом, работают вместе, вместе домой, в магазин, на рынок возле дома, праздники, тусовки, авралы, отпуска.

На пару с Ларкой они всегда высмеивали желание офисных девчонок непременно выскочить замуж, она – потому что ей претила тотальная гламуризация всей страны, претили разные, но невероятно похожие в своей простоте «шесть надежных способов выйти замуж»; казалось, главное – это просто любить. Ларке, однако, гламур вовсе не казался лишним, в конце концов, подруга была «работницей индустрии красоты», как она пафосно про себя говорила, особенно если рядом вырисовывался какой-нибудь субъект, интересовавшийся ее профессиональной деятельностью. Но с идеями замужества у Ларки тоже было непросто, потому что она, по крайней мере на словах, отрицала мужчин как класс, необходимый женщине для счастья. «А когда придет пора размножиться, уж поверь мне, я найду от кого!»

– Я никогда у него ничего не просила! – зачем-то сообщила Татьяна светящемуся окну, тому, за которым, может быть, жил мужик с завода. – Вот и дура! Вот и получи. Любовь у нее, видите ли, главное! Ты что, думаешь, Юлька вот так взяла и внезапно полюбила твоего Вадима, когда вокруг нее артисты, музыканты, всякие парни с телевидения выют? Что ей Вадим? Может, он еще надоеет ей быстро, а?

В этот момент она поняла, насколько замерзла. Черт, в темноте натянула Ларкин пуховик, а он короче, руки из рукавов вон как торчат, и попу совсем не прикрывает, задубела совсем. Надо возвращаться.

– Пока, мужик, – буркнула она горящему окну и, с трудом поднявшись и потирая замерзшие колени, побрела обратно к своему подъезду. Странно, но стало почему-то немного легче. Во всяком случае, захотелось согреться, и она бы даже выпила чаю.

На кухне еще пахло блинами, и, заварив любимый зеленый, она намотала один блинчик на вилку, думая, во что бы его макнуть. В этот момент в проеме двери появилось всклокоченное, с предельно недовольной физиономией чудище: руки на пышной груди, плотным спелым плечом привалилась к косяку.

– Ну что, принцесса, оклемалась? Сметана в холодильнике на верхней полке.

– Я так, с вареньем. Разбудила? Ты прости, что побеспокоила, я хотела тихо.

– Тихо она хотела! Как в обморок брякаться, так ты не думала про беспокойство. Конечно, какое тут беспокойство: скорую пришлось вызывать, нашатыря-то в доме нет, да и кто знает, что с тобой, вдруг окочуришься, меня ж потом твоя мать съест с потрохами. «Какая нервная, чувствительная девушка, что за стресс такой вы ей устроили?» Нет, ну ты прикинь, это я стресс тебе устроила! Ну я ему все рассказала, этому докторишке, кто тут стрессы устраивает. Он аж попятился, мне тоже успокоительное предложил. А мне-то зачем? Я ж не нервная. А тебе покой прописал. Так что давай ешь быстрее и спать. Мне бы кто покой прописал! И почему все другим достается? – ворча и вздыхая, Ларка направилась в комнату, к теплоте оставленной постели. – Скажи спасибо, что матери твоей звонить не стала. А то ведь держала телефон наготове, со страху чуть не обделалась, мало ли что с тобой, – добавила она на ходу.

– Спасибо, Ла-а-арочка, вот за это, правда, тебе самое горячее спасибо. Или самое нежное. Ты какое хочешь?

– Ишь, разнежничалась. Оживает, значит. Оба давай. А за блины? А за спасение твоей никому не нужной жизни?

– За это подумаю еще.

Больше одного блина в нее все равно не влезло, но чай казался спасением: отогревал, возвращал к жизни. Замерзшие, с обломанным ногтем руки обнимали чашку так крепко и вожаденно, будто держали Святой Грааль.

– Вот же сокровище неблагодарное! Утром домой поеду, и так из-за тебя кот не кормлен, соседей пришлось попросить. Иди спать уже, на часах пять тридцать, а тебе доктор покой прописал, твое, блин, высочество.

Она искренне любила этого «маленького великана» – не очень счастливую дочь «великого дэва», она была ей все равно что сестра.

Ларка училась с ней в школе, но классом младше. Когда подруга только перешла в девятый, в ее семье разыгралась трагедия. «Великий дэв» убил свою жену, Ларкину мать. Белла (по отчеству ее никто и не называл) была потрясающе красивой женщиной: белокурая, тонкие и нежные черты лица, хрупкое, почти подростковое тело. А Ларкин отец был огромным, будто высеченным из огромного монолитного камня. Глядя на него, казалось, что безвестному горе-скульптору вдруг надоело возиться с материалом и он решил бросить работу на начальном этапе. Получилось то, что получилось: огромное грубовато-бесформенное тело, крупные черты лица, а к этому – глубокий бас с командными нотками. Он был начальником большого и важного завода, депутат какого-то местного совета, как говорят, «уважаемый человек». В Танюшкином представлении – настоящий «дэв», страшный великан из восточных сказок. Он всегда страшно пугал ее, хотя видела она его нечасто.

Ее маме нравилось, что «такой человек» иногда приходит в школу, интересуется поведением и успехами своей дочери в учебе. Успехов, собственно, не было никаких. Ларкино поведение тоже частенько выходило за пределы нормального: мальчишек она лупила нещадно, особенно если те начинали «нюнить» или «наезжать» на девчонок; ни возраст, ни рост, ни мускулатура для Ларки значения не имели, могло достаться любому. От матери она унаследовала светлые волосы и невысокий рост, а в остальном походила на своего небрежно отесанного скульптором отца.

Так вот, Ларкина мама работала художником при кинотеатре, рисовала афиши. Она всегда ходила слегка отрешенная, могла забыть о времени и засидеться в мастерской допоздна, особенно если принималась за что-то свое, за какие-то картины, которые никто не мог понять: линии, пятна, точки... Ларка была классическим ребенком с ключом на шее: приходила домой из школы, разогревала обед, ела, делала уроки. Но когда время близилось к семи, шла за матерью и приводила ее домой. Нельзя было допустить, чтобы отец вернулся, а дома ни жены, ни ужина. Грозы тогда было не избежать.

«Дэв» не просто ревновал жену, как тысяча дэвов, – он все время боялся за нее. Маленькая, худенькая, погруженная в себя женщина казалась ему неприспособленной к жизни, а потому хотелось запереть ее дома и никуда не выпускать. Когда в очередном приступе яростного беспокойства он действительно запер ее, она совсем увяла, перестала есть и все время лежала на диване лицом к стене. Видеть ее худую спину было невыносимо, и он сжалился, решил ей работать в мастерской. «Но чтобы по окончании рабочего дня была дома как штык, слышишь?» – гремел он над ней.

Поэтому Ларка и «страховала» мать. Кому нужны дома бури и ненастья? И вот в начале девятого класса, на дне рождения Светки Кравченко в одну ненастную пятницу, Ларка познакомилась с Васильком, Светкиным двоюродным братом. Этот Василек аж в самом Санкт-Петербурге толкал штангу и был тем еще здоровяком. Ларка внезапно влюбилась так, что начисто забыла обо всем. Взявшись за руки, они гуляли до одиннадцати у всего города на виду, не смущаясь, не чувствуя холода, и все никак не могли расстаться, ведь на завтра Василек снова уезжал в Северную столицу, в свой спортивный институт.

Когда Ларка очнулась и прибежала домой, ее встретила гулкая тишина, от которой она сразу оглохла. Переулками – так быстрее, – увязая в грязи, она помчалась к кинотеатру, и ей казалось, что ноги, как в дурном сне, увязают, будто в болоте, что она бежит, но никак не может добежать. Уже на скрипучих деревянных ступенях она услышала приглушенный рык и в страхе остановилась перед дверью – никак не могла повернуть ручку. Как будто уже точно знала, что за картина предстанет перед ее глазами.

Отец сидел на полу, обнимал хрупкое, обмякшее тело в рабочем, заляпанном краской халате и рыдал в родное плечо. Приехавшая милиция и санитары никак не могли расцепить его руки, это было выше его сил – расстаться с ней. Не найдя жену дома поздним вечером, «дэв» так накрутил себя, был так взбешен, что прибежал в мастерскую и задушил ее то ли от ревности, то ли от страха потерять. Не зря Танюшка его всегда боялась.

Так Ларка осталась одна. Ни маминых родственников: мамина мама, Ларкина бабушка, уже давно умерла, а болела она чем-то психиатрическим, ни папиных: он рос в приюте. И теперь получалось, что ее, Ларку, ждет та же участь. Но вышло по-другому. Танина мать, впечатленная этой историей, потом еще несколько лет носила передачи «великому дэву» и все приговаривала: «Как же так, такой был уважаемый человек, и ни капли спиртного в рот не брал, и надо ж, какая любовь, какое горе...» Над Ларкой мать оформила опеку и бдительно присматривала за ней. Добилось, чтобы за Ларкой осталась родительская квартира, регулярно навещала ее, так как Ларка жила одна: сама на этом настояла, поклялась Танюшкиной матери всеми школьными богами, что будет гораздо лучше учиться, не стукнет больше ни одного пацана, а дом будет содержать в идеальном порядке.

Ларка забрала из мастерской все картины матери, развесила их по стенам, и квартира теперь стала напоминать галерею. По окончании школы Ларка, при ее успеваемости не способная претендовать ни на какой институт, пошла на курсы парикмахеров и визажистов. Начала стричь, начала зарабатывать и быстро стала самым востребованным мастером города. К ней было непросто попасть, и временами она ездила в Питер повышать квалификацию. С Васильком она никогда больше не встречалась, ни с кем другим на свидания не ходила, слушалась Танюшкину мать, а за саму Танюшку могла, как сама говорила, «отдать почку», ну или то, что могло бы понадобиться. Прямота, простота и сила, унаследованные от отца, каким-то невыносимым способом сочетались в ней со своеобразным эстетическим видением ее матери. Ларку побаивались, уважали, и уж конечно, запоминали мгновенно, потому что такого человека, как она, невозможно было не заметить и по-своему не полюбить.

В их отношениях все время сквозило какое-то неравенство: Ларка считала Танюшку «принцессой», немного завидуя тому, как Алевтина Андреевна вьется вокруг своей уже такой взрослой «деточки». Грозный директор, будучи не в силах оставить свою любимую школу,

мучительно переживала расставание с дочерью, когда той после окончания института захотелось уехать покорять Москву. Так что довольно скоро она спроводила в столицу и Ларку «присматривать за Татьяной». Ларке она помогла продать квартиру и картины и дала ей взаймы немного денег, чтобы та на ипотеку приобрела небольшую квартирку-студию на дальних московских окраинах. Дочери ни на какую ипотеку она давать и не думала: была уверена, что «столица быстро ее обломает» и Танюшка вернется, сожалея, что была такой непослушной.

Картины Ларкиной мамы, к слову, купила одна московская галерея, предложив немалую сумму за все сразу. «Видать, хорошие были, раз такие деньги дали, правда ж, Тань?» – не зная, радоваться ей или огорчаться, причитала растерянная Ларка, обескураженная заносчивой снисходительностью хозяйки галереи. Старательно упаковав две картины, что оставила на память, дочь «дэва» растеряннo простилась с материнским наследством, оставленным в галерее.

Вот так они и оказались «рядом», хотя на самом деле их разделяла вся Москва: одна жила на севере, другая – на юге. Что касается работы, то Лариска первая устроилась в их компанию, им был нужен визажист-парикмахер для постоянных рекламных съемок. Потом она уговорила Валерия Сергеевича, их главного босса, взять «сестру хоть в чернорабочие», – вот так Таня и оказалась в ШИВЕ, сначала младшим помощником младшего помощника по написанию рекламных текстов, а потом... познакомилась там с Вадимом.

Вот если бы уже тогда она знала, что будет так больно, согласилась бы снова влюбиться в него? Кто знает? Наверное, да. В Вадика невозможно было не влюбиться. Красив, умен, кудрявые черные волосы, лазурного цвета глаза... Ну да, ростом не вышел, так и она не великанша, как раз вровень с ним и получалось. Но самым главным было другое – то, как он смотрел на нее: тепло и немного снисходительно, как будто заранее прощая все ее возможные промахи, глупости и ошибки. Она все бы отдала за один такой взгляд. А уж как он заботился о ней, как обнимал... В минуты близости называл ее «малыш», а в минуты особой нежности, когда она становилась растерянной, напуганной или расстроенной – «мой крошечный», что означало «крошечная».

Подушка снова намочла, и Таня перевернула ее другой стороной. Главное – не всхлипывать, носом не шмыгать, чтобы Ларка опять не проснулась и не начала ее неуклюже утешать. Все же хорошо, что рядом с ней эта дочь «дэва», с ней не страшно, потому что она сама ничего не боится. Хотя нет, боится, что кто-то может умереть на ее глазах или сойти с ума от горя. Можно представить, как Ларка испугалась ее обморока. Надо же, сама она почти ничего не помнит. Помнит только, что имя Юлька прозвучало в ее телефонной трубке так нежно и радостно, что от ярости и боли она забыла, как дышать.

Почему она ничего не замечала? Вряд ли у них начался стремительный роман после ужасных слов Вадика «нам нужно расстаться». Видимо, что-то такое уже давно происходило, а она ничего не видела, была чудовищно слепа. Когда? Когда это началось? На зимнем корпоративе в Новый год? Или когда отмечали этот идиотский гендерный праздник 23 февраля? Нет, это вряд ли. Двадцать третьего был мальчишник, а она тогда ездила с девочками обмывать новую Маринкину машину. Юльки с ними не было, но Юлька же не могла быть на мальчишнике, верно? И когда, спрашивается?

Почему, почему ей так важно ответить на этот идиотский вопрос?

Все же зря Ларка сразу позвонила маме. «На тебя поглядеть, ты с ума сходишь от горя, – все твердила она. – А я не могу одна нести такую ответственность. Алевтина Андреевна знает, что с тобой делать. Не сердись, лучше спасибо скажи, что я ей твердо так: “Не приезжайте, я сама все улажу, просто скажите, что делать”».

Хорошо, конечно, что мама не приехала, но Ларка ее здорово переполошила. Теперь она звонила каждый день, и было просто невыносимо слушать эти бесконечные причитания по

телефону: «Доченька, может, ты наконец вернешься? Ведь теперь тебя ничего не держит в этой Москве!»

«Мама, – хотелось крикнуть в телефонную трубку, – я никогда не вернусь в наш город, слышишь, НИКОГДА!»

Но вместо этого она давила из себя:

– Да я нормально, мам, нормально. Да, ем. Что ем? Ну что есть в холодильнике, то и ем. Да, похудела немного. Ну что он? Нет, не приходит. Думаю, да, окончательно. Нет, в каникулы не надо, не приезжай. Я уже вполне хорошо, мам, справилась. Проверь там спокойно свои тетради, обо мне не волнуйся. Ларка да, рядом.

Ей казалось, что она должна каким-то неимоверным усилием излучать спокойствие и уверенность, чтобы утешить мать. Это было так же тяжело, как думать о том, что скоро закончится ее отпуск и придется выйти на работу, туда, где он... Слышать, как он разговаривает не с ней, видеть, как он не ей улыбается, знать, что не с ним она поедет вечером домой.

Это какой-то абсурд! Идиотский сон, она сейчас проснется, и все будет как раньше.

А ведь кроме него еще эта Юлька! Она тоже будет там, на работе. Пересекаются на работе они нечасто, но ведь пересекаются. И что теперь будет, когда столкнутся нос к носу? Нужно будет сказать этой счастливой сопернице: «Доброе утро», «Привет»? Или с губ сорвется: «Какая же ты сука, Юлька», «Катилась бы ты к черту, Мисс Два Метра Совершенства»?

И потом... Таня аж вспотела от этой дикой мысли: ей же придется увидеть их вместе. Все понятно: ей просто *нельзя* выходить на работу. Нужно сидеть дома до последнего, а потом она что-нибудь придумает.

Всю жизнь она чувствовала себя невыносимо нелепой, за что бы ни бралась, что бы ни делала. И мать только усиливала это чувство. Она даже никогда не ругала ее. Учителям в школе доставалось от матери будь здоров, да и все школьные хулиганы трепетали. Но с Таней она всегда была снисходительно-поучающа: «Доча, ну что же ты, дай я сделаю, раз у тебя не выходит» – а потом она, конечно же, добавляла: «Вот видишь, вот та-а-ак нужно было, видишь? Усвоила?»

Как же она ненавидела это ее «усвоила», кто бы знал! «Дай я сделаю, как сделаю! Ну и пусть получится хреново, но это же я сделаю!» – всегда хотелось ей крикнуть матери, но в их доме нельзя было кричать, тем более кричать на мать. Вообще нельзя было не слушаться, непослушание люто каралось.

Как-то, лет в десять, наверное, она ушла в гости к подружке, к Вере Горчаковой. Ох, это была печальная история...

Надо сказать, настоящих подруг у нее никогда не было. А где их завести? В садик она не ходила, сидела с няней – уволившейся по здоровью из школы учительницей литературы, которой мама дала «такую прекрасную возможность подзаработать». Если няня по каким-то причинам не могла прийти, Алевтина Андреевна брала дочку с собой, и, пока шли уроки, Таня сидела в директорском кабинете, с упоением стуча на старой машинке: клац, клац, клац, буквы превращаются в слова, а слова – в предложения. Красиво! А потом – вжжжик, и другая строчка, такая же красивая.

Ее собственная школьная жизнь началась в неполные семь. Записана она была в мамину школу, конечно же, другие варианты даже не рассматривались. И опять с подругами не сложилось. Во-первых, она не знала, как знакомиться, опыта не было. Во-вторых, дети ее избегали, все ведь знали, что она дочка директрисы (а школа была самая престижная в городе). То ли завидовали ей другие дети, то ли боялись с ней дружить, непонятно. Даже взрослые относились к ней как к хрустальной статуэтке, с которой надо пыль сдувать, но руками лучше не трогать. Особенно тяжело было ее первой учительнице: что бы Таня ни говорила у доски, та слушала ее с каким-то неестественным воодушевлением и всегда завышала оценки: щедро ставя четверку

там, где другому ребенку поставила бы три. Возможно, еще и за это Таню недолюбливали другие дети.

И вот где-то в третьем классе к ним пришла Вера Горчакова, ее папу-военного перевели в гарнизон рядом с городом откуда-то с границы с Казахстаном. Верочка быстро оценила расклад (все-таки это была уже ее третья школа) поняла, что из не занятых осталась только она, одинокая и потерянная дочка директора школы, довольно быстро перебралась за ее парту, несмотря на слабые протесты молодой учительницы, и они стали дружить. Вспоминая те годы, она всегда испытывала горячую благодарность к Верочке за простоту, с какой та сделала ее своей подругой. Благодаря Верочке она наконец-то почувствовала себя нормальной, «как все». Вдвоем они бегали на переменах, хихикали над мальчишками, наблюдая, как те смешно выпендриваются перед девочками из параллельного класса, собирали одуванчики по весне, фантазировали про красивых женщин, которые выходили из парикмахерского салона «Венера», что возле их школы, искали оброненные монетки, чтобы купить в соседнем магазине жвачку или ванильную теплую булку.

У Верочки был старший брат, учился он в другой школе, в мамину его не взяли «из-за низкого уровня знаний». Дома, на кухне, Алевтина Андреевна все ворчала: «И куда только смотрят родители, совсем запустили парня». Севка был неугомонным подростком, отчаянным выдумщиком, да и за девочками приударить был не дурак. В съемной квартире Горчаковых все время толпились Севкины приятели и подружки, справлялись все мыслимые и немыслимые праздники, звучали песни под гитару, декларировались идеи о том, как изменить мир, – в общем «дым коромыслом».

Алевтина Андреевна не одобряла дочкины визиты к Горчаковым: «Ни к чему тебе общаться к разгульному образу жизни! Не удивлюсь, если они там курят и выпивают, у таких до противоправных поступков рукой подать». И все равно Таня бывала в Верочкином доме, благо он от школы был недалеко. Там всегда было так классно! Можно было говорить о чем угодно, и всегда пахло съестным. Верочкина мама не работала, денег у них, скорее всего, было немного, но там все равно всегда было тепло, свободно, шумно и весело. Всегда было что-то вкусненькое, приготовленное с выдумкой и любовью. Таня до сих пор вспоминает задорный голос этой милой женщины: «А ну-ка, мальчики, кому пироги с капустой? Севка, дуй за пепси, чай вы все равно пить не будете». В этом доме можно было быть собой, не стараться, не бояться кого-то обидеть. Всем и всему было место.

И вот как-то раз у Севкиного приятеля, Женьки, потерялась собака. Женька был страшно привязан к этому молодому, веселому, безбашенному псу. Младшая сестра Женьки вовремя не закрыла дверь, неугомонная псина воспользовалась моментом и убежала куда-то. Женька два дня не мог его отыскать, был страшно расстроен, не мог есть, отказывался даже в школу ходить, пока не найдет своего Вертера. Ну Севка и организовал поиски «по всем правилам». Разбил город на квадраты, каждому определил участок и велел «прочесать местность». «Если все будем искать одновременно, то точно найдем, не переживай, Жека, – утешал он потерявшего всякую надежду друга. – А вы будьте внимательны, все помнят особые приметы Вертера?»

Верочка с Таней тоже в этом участвовали. Поскольку мама всегда говорила Тане: «Если делаешь, то делай на отлично или не делай вообще», – то она старалась: обшаривала кусты и подвалы, а под вечер забрела на заброшенную стройку, бродила среди груд кирпича и с воодушевлением вопила: «Вертер, Вертер, ко мне». Какие там сумерки! Она все представляла, как найдет собаку, как Женька будет рад, а Севка скажет: «Молоток, Танька, ты настоящий сыщик! Вот это девочка!» Он потреплет ее по плечу и больше не будет их с Верочкой выгонять из комнаты, когда у него спорят или поют песни.

Таня слегка заблудилась, упала, вывозилась в грязи. В общем, когда она вернулась домой, так и не найдя собаки, валокордином пахло уже на лестничной клетке, а на кухне сидел дядя

Виталик, их участковый, и записывал с маминых слов Танюшкины особые приметы, как будто в городе ее кто-то не знал.

Она и сама была расстроена, к тому же испугалась, когда заблудилась, но ведь нашлась же! Все вроде бы хорошо, но мамино «явилась», выражение ее лица, обиженное молчание целую неделю после случившегося – все это было невыносимо. Самым страшным было то, что мать тут же выгнала Верочку Горчакову из своей школы. Ее перевели туда, где учился Севка, и Таня понимала, что встречи с подругой ей теперь строжайше запрещены. А раз так, она больше не сможет бывать в этом доме, быть частью этой теплой и веселой компании. Легко догадаться, что больше с ней, дочкой грозного директора, никто не дружил, пока не появилась Ларка.

Ослушаться, проявить в чем-то инициативу, сделать что-то, что может расстроить мать, – больше Татьяна на такие эксперименты не осмеливалась. Так и жила тихо. Заканчивая институт, она с тоской думала, как будет искать работу в городе, где ее мать знает каждая собака.

Все изменилось, когда она встретила своего отца. Он вернулся после почти тринадцатилетнего отсутствия: уехал к женщине, которую полюбил, и в их городе не показывался.

Таня хорошо помнит ту судьбоносную для нее случайную встречу.

– Танюшка, ты, дочка? Да тебя не узнать. Как ты выросла, какой стала красавицей!

Отец обнял ее, и она сразу вспомнила его объятия, от которых становится тепло и просто жить. Он смотрел на нее с теплотой и восхищением: на нее так никто не смотрел. Только сейчас, увидевшись с отцом, она осознала, как тосковала по нему. Рассматривая его, вдруг заметила, как он поседел, постарел. Как же много лет его не было рядом! Такая потеря!

– Привет, пап. Давно не виделись... Она смущалась. С одной стороны, ей хотелось вцепиться в него и никуда уже не отпускать, но с другой... столько времени прошло, она почти его и не помнит...

Он словно прочитал ее мысли:

– Да, тринадцать лет, дочка. Пропать целая. Сам не понимаю, как так получилось, что я столько лет не видел тебя. Как мама? – отец почему-то слегка поежился и стал суетливо озираться.

– Мама ничего, нормально, директорствует. Школа по-прежнему собирает лавры благодаря ей. А я вот институт заканчиваю, работу буду искать.

– Уже институт! Надо же, время беспощадно к малодушным, один раз струсил – и все, потерял самое важное... Ну что же мы стоим посреди улицы, давай зайдем куда-нибудь, хоть в кафе посидим, ты мне все расскажешь. К вам я приходить не решусь, а своего угла у меня пока нет, снял комнату недавно, но там ремонт нужно делать, она в ужасном состоянии.

В кафе после заказа умирающей от любопытства официантке и неловкого молчания она спросила:

– Почему ты вернулся, пап? Что случилось?

Пауза была долгой. Отец вздыхал и все никак не мог начать.

– Меня бросили, дочь. Лерочка оставила меня, ушла.

– Почему, пап? Что случилось? Ты же ее так любил! В городе еще пару лет судачили о вас после вашего отъезда. Я маленькая была – и то слышала.

– Я и сейчас ее люблю, Танюш. Как можно разлюбить того, кого всем сердцем полюбил? Я ее – да, но она меня, видимо, нет. Вышла замуж за другого, уехала жить с ним в Финляндию. Год назад уехала, и я почти год пил, потом в больнице лежал. Хотел, видимо, умереть, утопить свою боль, но... не вышло. А потом я просто уже не мог выносить этот величественный корабль Петра, его дома, мосты, шпили, там все напоминало о ней. Этот город на воде начался для меня со встречи с ней, я полюбил его, потому что он так просторен и изящен одновременно, чем-то очень похож на Лерочку. Но встречаться с этим каждый день невыносимо. Вот я и вернулся. Надо же как-то жить. Хотя пока непонятно зачем.

– Но что случилось, пап? Как она могла разлюбить тебя? Ты пил?

– Нет, что ты, пока был с ней, ни капли, не потому что был в завязке, просто не хотел. Лерочка была рядом, работы хоть отбавляй, переводы доставались мне отменные, чего еще желать? Я был счастлив, дочка, а она, оказывается, нет. Уходя, она сказала, что я так и не узнал ее настоящую: полюбил образ, который сам придумал. А она, мол, простая, не возвышенная, никакая не святая, просто хочет жить хорошо и без всякой поэзии. Я ей на это: «Что ты, Лерочка, я принимаю твою простоту, помнишь, как у Бродского: “Нам нравится постоянство. Нам нравятся складки жира на шее у нашей мамы, а также наша квартира, которая маловата для обитателей храма. Нам нравится распускаться. Нам нравится колоситься. Нам нравится шорох ситца и грохот протуберанца”». Она на это фыркнула пренебрежительно: «Вот-вот, снова поэзия». Так и расстались. Я пытался понять, что значит «быть простым» и «жить простой жизнью», но так и не понял. Лерочка... она прекрасно знает, чего хочет. Всегда этому поражался и, наверное, немного завидовал. Что ж, если в Финляндии у нее сложится, так это же славно, правда?

– А что ты будешь делать здесь, папа? Где собираешься работать? Ты же понимаешь, что учителем тебя в этом городе нигде не возьмут. Не думаю, что мама тебя простила.

– Я это понимаю, дочка, конечно. Сейчас просто. Мое спасение – моя работа. Живи, где хочешь, а тексты на перевод мне посылают по электронной почте. Ничего для меня не изменится, если работу иметь в виду, просто Лерочки уже не будет рядом.

– А почему ты сказал о малодушии?

– Это я о тебе, дорогая, и о своем отцовском долге. Аля – сильная женщина, хоть и очень незащитная. Мне нужно было вести себя по-другому. Вот именно, что я смалодушничал. Когда она запретила мне видеться с тобой, я был против, возражал. Если ты помнишь, когда вы с Евгенией Степановной гуляли, она, Евгения Степановна, меня жалела, давала с тобой поговорить. А потом соседи твоей маме доложили. Ох и рассвирепела она! – Он помолчал немного, прежде чем продолжить. – Я, дочка, не хотел, чтобы ты в маминой школе училась, понимал, что задавит она тебя. Но она уперлась: «Кто будет тебя слушать, алкоголика. Ты сначала со своей жизнью разберись, а потом меня, педагога с таким стажем, учи, как дочь воспитывать. Еще раз тебя рядом с нашим домом увижу, участкового позову». Вообще-то, конечно, несложно догадаться, что ее здорово ранила эта история с моей изменой, я даже стал бояться, что она меня убить может... И я понимаю, она боялась, что ты к нам будешь тянуться. Твоя мама на все бы пошла, чтобы этого не допустить. Когда мы еще хорошо жили, временами в ней такая ярость просыпалась, что я терялся, Танюшка. Я просто не знал, что делать. А потом... – он махнул рукой. – Не знаю, простишь ли ты меня когда-нибудь. Но если я могу еще что-то для тебя сделать, я точно сделаю, мне теперь бояться нечего. «Грех спрашивать с разрушенных орбит! Но лучше мне кривиться в укоризне, Чем быть тобой неузнанным при жизни. Услышь меня, отец твой не убит».

– Пап, ну что ты... – Таня была в смятении. Она, конечно, догадывалась о силе материнской ненависти к отцу, но и за себя было обидно. Ей так не доставало отца. Отрывочные воспоминания о нем были такими светлыми и живыми. Сейчас, рядом с ним, она вдруг явно ощутила, в каком холоде жила все эти годы, в какой *нежизни*. Ведь рядом с мамой нужно было быть правильной, хорошей, старающейся, потому что «весь город смотрит на тебя», потому что «ни тебе, ни мне не простят ни оплошностей, ни ошибок». Или вот это, главное: «Всегда помни, ты моя дочь! По тебе судят о моей работе! Ты просто не можешь осрамить мать». Какие ошибки? Кажется, она и шагу не могла ступить, чтобы не оказаться под пристальным вниманием кумушек, да что там кумушек! Всех! В их небольшом городке сплетничали все без разбора: и стар, и млад, и мужчины, и женщины. Впечатлений никаких, поэтому все только тем и занимались, что обсуждали чужую жизнь. Даже ту историю с пропавшим Вертером обсуждали потом чуть ли не полгода. Исхудавшего пса через пару недель случайно обнаружили в соседней деревне, Женькиной радости не было предела. Но говорили-то не о Женьке, не о счастливом

окончании этой истории, а о Горчаковых. Мол, они ведут «слишком вольную жизнь», которая «других детей развращает». И кого они развратили, спрашивается? Даже будучи ребенком, Таня понимала, что все просто завидовали этому хлебосольному, теплему дому, где были рады любому, кто бы ни пришел. У Горчаковых обсуждались не городские сплетни, не кто с кем романы крутит, а кипели идеи, вспыхивала протуберанцами радость, там все было по-настоящему, не быт, а бытие, жизнь.

– Знаешь, пап, я бы очень хотела отсюда уехать, – призналась Таня отцу, – но мама никогда на это не согласится. В Москве лучше с работой, там больше возможностей, и потом – это не так уж далеко: и электрички ходят регулярно, и автобусом можно добраться. Не знаю, как ты, но я уже видеть не могу этот город. Знаешь, мне даже странно, что ты вернулся.

– Здесь мама моя лежит, дочка, здесь все мне знакомо... Я вот комнату снял возле нового гастронома, у Василия Павловича, помнишь его? Окна выходят на реку, балкон есть, по вечерам закат такой – залюбуешься. Чего еще желать старику? С Василием Павловичем мы приглядываем друг за другом, ему уже семьдесят, ну а мне, считай, почти пятьдесят...

– Ну какой же ты старик, пап, тебе пятьдесят будет только в следующем году.

– Дело не в возрасте, дочка... – вздохнул отец. – Вот что, Танюш, ты должна уехать, если считаешь нужным. Лучше что-то сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. Мне даже подумать страшно, что я мог тогда не уехать вслед за Лерочкой в Питер. Ничего лучшего со мной не случилось, чем эти годы с ней. Да еще ты, Танюша. Твое рождение и подарок мне, и моя вечная вина. Хочешь, я с мамой поговорю?

– Ну, мама твои советы и просьбы никогда не принимала всерьез как я понимаю. С чего вдруг она тебя в этот раз послушает?

– Придумаю что-нибудь, дочь, не волнуйся. Должен же я как отец хоть что-то сделать для тебя.

Это утро впервые за эти жуткие дни далось ей относительно легко, несмотря на то что, проснувшись, она осознала, что сон, в котором Вадик дома и с ней – это просто сон. А реальность другая: в ней она нелепая, внезапно брошенная любимым барышня под тридцать с сестрой-подругой, сладко сопящей под боком. Живет она в съемной, но давно обжитой квартире. У нее есть работа, на которую нужно будет выходить через три дня, а как решиться на это, нет у нее никакого представления.

Видимо, доктор накануне вкатил ей хорошее успокоительное. Побродила ночью, повспоминала свою прежнюю жизнь, даже отоспалась, да и Ларка, опять же, рядом. И вот Ларку, похоже, пора будить.

Таня накинула халат и пошла на кухню варить густой кофе – верный способ разбудить стадо спящих лосей. Как и ожидалось, Ларка вскоре вылезла на запах.

– Ну что, принцесса, отоспалась? – маленькая великанша отчаянно зевала, подперев по своему обыкновению косяк крепким плечом. – Хм, выглядишь ты явно лучше... Докторишка был прав, тебе покой нужен был. Господи, хоть бы мне заболеть, чтобы мне покой прописали. Тебе хорошо, на работу сегодня не надо. А мне придется. Может, твоего там увижу. Он вроде из командировки уже должен вернуться. Слушай, может, в рожу ему плюнуть, а? Тебе бы полегчало, Тань, скажи?

– Ну перестань, что мы, в деревне, что ли, в рожу человеку плевать? Мне, между прочим, тоже через три дня выходить? Вот представь, как я его увижу, особенно если он будет со своей рыжей, блин.

– О, я придумала! – оживилась Ларка. – Давай я лучше ей в рожу плюну, она мне всегда не нравилась. А что? Рыжая, вся из себя такая благодетельница, тьфу!

Неожиданно обе расхохотались. Таня, представив, как ее подруга ходит по офису и плюется, а Ларка от облегчения: наконец-то принцесса не рыдает, а заливисто смеется.

– Ну ты воительница, Ларка. Я ж серьезно. Наверное, придется работу менять. Не смогу я. Ладно, ты иди, я думать буду.

После утреннего кофе под блинчики великанша еще долго возилась в комнате.

– Не, ну вот, все из-за тебя! Блинов нажралась, теперь юбка не лезет, вот же черт!

– Лар, а ты по размеру юбки покупать не пробовала?

– А эта что, не по размеру, что ли? Очень даже по размеру, просто живот не влезает! Ну кто так шьет! Слушай, может, тебе в швеи пойти, а? Шила бы для меня что-нибудь человеческое. А то ж в этот карандаш никакой живот не упихнешь, едрит-мадрит.

Наконец юбка застегнулась, но ворчание продолжилось в прихожей.

– Тань, ты где мой пуховик извозила? Ну что за день такой начинается? Матери позвони, слышишь? Я ей обещала, что ты, как всегда, в четыре позвонишь. Не напрягай старушку, она ж волнуется.

Еще один день без *него* продолжался. Похоже, она привыкает, плакать уже не хочется, а вот жить почему-то страшно. Потому что она не знает как.

Как жить, когда тебя оставили? Вот приходят люди в театр и оставляют в гардеробе ненужную вещь: изношенную шляпку или сломанный зонт. Белую песцовую шубку никто не оставит: седая интеллигентная гардеробщица со словами «извольте» отдаст ее в мужские руки. Как же, вещь-то дорогая, красивая. Беда в том, что Таня никогда не чувствовала себя ни дорогой, ни красивой, ни нужной кому-то. Дворняга она, случайное сочетание собачих пород. Готова верно служить доброму хозяину, который будет нежно трепать по загривку, выгуливать, разговаривать с ней долгими одинокими вечерами, делясь своими житейскими делами...

Еще один бессмысленный день из ее никому не нужной жизни, в которой ей нужно что-то сделать с этой никем теперь не востребованной любовью. Хорошо бы как-то перестать *его* любить. Таня пожалела, что она не робот и у нее в спине нет рубильника, который отвечал бы за любовь. Рычажок вниз – и все, она свободна. Ни боли, ни страдания, ни пустых надежд. Но она живой человек. И что теперь делать с этой любовью? Кому ее вручить? А некому. Носись теперь с ней, держи ее в себе, рви сердце дальше.

Сегодня ей вдруг стало страшно стыдно за то, что она просила его остаться, что она готова была на все, лишь бы удержать. На самом деле ей почти всегда было немножко неловко, как будто она не по праву рядом, примазалась, прибилась, точно бездомная псина. Как он вообще обратил на нее внимание? И почему на нее? В офисе всегда толклось много интересных барышень, и актрисы бывали, и модели. Почему вдруг она?

Тот самый первый месяц на работе она вспоминала со смесью ужаса и стыда: приткнуться нигде, поручений никто не дает. Ее разрывало между желанием «раствориться в пейзаже», спрятаться за плинтусом и надеждой пригодиться хоть кому-нибудь. Ведь ее взяли, уступив настойчивой Ларкиной просьбе, дочь «великого дэва» умела добиваться своего. Тане тогда казалось, что нужно незамедлительно не столько оправдать свое пребывание на этой работе, сколько оправдать вообще свое существование, которое на фоне кипящей активности офиса казалось совершенно бессмысленным.

Она ходила за кофе для сотрудников, что-то получала на почте, отвозила куда-то какие-то документы. Секретарша Валерия Сергеевича, волоокая Кира, почему-то сразу возненавидела ее и на любые просьбы шефа томно отвечала: «Вот и пошлите эту...» «Эту» и посылали – Татьяну. Ей казалось, что никто в компании, кроме Ларки, и имени-то ее не знает.

К концу мучительной второй недели она нашла для себя стол, за которым явно никто не сидел. Он был завален никому не нужными, с налетом пыли бумагами, стоял у двери, и стул надо было пододвигать вплотную, чтобы дверь, когда ее открывали-закрывали не задевала. Бумаги Таня сложила стопкой, а пыль стерла. Раздобыла канцелярию для себя, купила и при-

несла небольшой цветок в горшке, который цвел ярко-розовыми оптимистичными цветами, и она представляла, как они оживят ее неприметный угол. Но цветы почему-то быстро облетели, хотя она не скупилась на полив, а оголившийся кустик выглядел так себе и не то что уюта не добавлял – скорее подчеркивал заброшенность этого офисного угла.

Однажды Таня, не зная, чем себя занять, стала просматривать бумаги. Там были варианты каких-то слоганов, рекламных текстов. «Реклама, которая работает!», «Хотите повысить качество продаж и узнаваемость вашего бренда?», «Мы самые надежные среди...» и прочая ерунда. Она взяла карандаш и стала рисовать на полях цветочные орнаменты, как делала на скучных уроках в школе.

Учителя не делали ей замечаний: дочка директорши, хотя других детей сразу одергивали: «Ковров, ты опять рисуешь вместо того, чтобы слушать учителя! Немедленно положи ручку и слушай! Кому я объясняю?!» Коврову, кстати, доставалось чаще всего, за «неуместные художества» ему снижали оценки. А дома еще мать добавляла: она заставляла переписывать его всю тетрадь, заметив на полях «танчики». Но даже регулярная расправа Коврова не останавливала. Правда, он лютой ненавистью возненавидел Татьяну: «Чего это ей можно, а мне нет?» Он больно лупил ее портфелем по спине, если никто из учителей не видел. Таня не жаловалась: понимала, что несправедливо – его ругают, а ей хоть бы что.

В один из таких тоскливых и тягостных дней она стала исправлять ненавистные, уже надоевшие ей строки, перечеркивая предложения и дописывая сверху: «Реклама, которая сведет вас с ума!», «Хотите плюнуть на качество продаж и забить на узнаваемость вашего бренда?», «Мы самые отвязные среди...» – и все в таком же духе. «Мы не отвечаем за качество, пусть само за себя отвечает», «У нас самые не низкие цены на рынке, чего позориться», «Нам доверяют наивные клиенты, а мы свято верим только в то, что все делаем гениально»... Ей очень хотелось добавить выражения покрепче, но боязнь как будто чьего-то строгого окрика сдерживала ее.

Листочек она отложила и забыла про него. И вот в один из дней впоследствии ставший поистине для нее прекрасным, она отошла к окну, разглядывая, как осенний ветер гоняет по двору уже совсем квелье, потерявшие свой золотой лоск листья, и думала о том, что, наверное, уже стоит выбросить этот дурацкий цветок со стола, а может, и самой стоит выброситься в эту унылую осень, потому что так тягостно и тупо проходит ее жизнь, она услышала:

– А что, неплохо! Это ты написала?

Она повернулась и впервые увидела Вадима. Свободный, необычного горчичного цвета свитер, шарф цвета греческой оливы, небрежно замотанный вокруг горла, буйные темные кудряшки, но главное – глаза. Он смотрел на нее с любопытством, восхищением и нежностью. Вот эта нежность и ввела ее в ступор. Так на нее смотрел только отец. Стояла, повернувшись к нему, и молчала, как полная дура. И ведь тогда уже понимала, что за этот взгляд легко отдаст ему всю свою никчемную жизнь.

– Чего молчишь, хулиганка? – он белозубо улыбнулся.

– Я? Я не молчу! – с трудом прошептала она, подозревая, что больше ничего из себя не выдавит. Ей отчаянно нечего было сказать, разучилась она разговаривать в этом офисе, единственная ее собеседница – Ларка, с которой они обсуждали офисные сплетни во вне рабочее время.

– Пойдем, – махнул он ей подхваченными со стола листами. Таня вздохнула и поплелась за ним в кабинет Валерия Сергеевича, минуя ехидную Киру, со злорадством глядящую им вслед.

По дороге в кабинет она успела посокрушаться, что не надела сегодня юбку, довольно короткую и красиво обтягивающую бедра. Холодно ей, понимаешь! В этих старых джинсах и свитере в катышках она выглядит как провинциалка, и это ужасно неприятно, хотя она провинциалка и есть.

- Валера, слушай, прекрасные идеи от нашей хулиганки. Кстати, как тебя зовут?
- Татьяна.

Хорошо хоть, внятно назвать свое имя смогла. Все равно в себя не прийти и не понять, что происходит. То ли ругать будут, то ли хвалить.

– Вот, Валер, и Татьяна о том же. Я всегда говорил, что эти, с позволения сказать, «рекламные идеи в лоб» давно изжили себя. У всех уже на зубах навязли всякие завиральные фразы. Давно пора менять фокус, пора провоцировать, будоражить, взрывать, в конце концов! А мы принимаем людей за дебилов, надеясь, что они клюнут на эту чепуху. Фу, как банально, как пошло, аж плевать хочется. Мне кажется, без хулиганства мы будем топтаться на месте. Посмотри, Татьяна немного похулиганила, и сразу хотя бы прочитать захотелось.

Валерий Сергеевич внимательно стал читать ее исписанные от скуки листки. Временами смеялся, временами хмурился.

- Ну да, неплохо. Вы, Татьяна, в каком у нас отделе работаете, я забыл?

- Ни в каком. Я так, на подхвате.

- Ах да, я вспомнил, Лариса за вас просила.

– Так я возьму ее к себе в отдел? – Вадим, собирал со стола шефа листки и был так волшебным образом уверен в себе, что у Тани подкосились ноги.

- Бери, конечно, у вас же аврал. Может, и поможет чем.

Вот так она оказалась в его отделе. А еще через каких-то три недели и в его, Вадима, жизни.

Однако прошло еще несколько месяцев, прежде чем она смогла поверить: все, что происходит, – интересная работа в отделе, переезд на съемную квартиру, Вадим, который каждый день и каждую ночь рядом, – все это не сон, это теперь и есть ее жизнь. Она не была счастлива – она была ошарашена, напугана, перевозбуждена и с той самой минуты, когда увидела его глаза, повернувшись от окна, смертельно боялась потерять его. И уже не переставала бояться ни на миг.

Недостойна такого счастья. Сейчас он придет в себя, одумается, рассмотрит ее получше, обнаружит ее недостатки, ошибки, грехи и... разочаруется. Отвернется, полоснув по ней напоследок пренебрежительным взглядом.

Временами ей нестерпимо хотелось укрыться от его внимательных глаз, от взгляда, способного в любой момент разоблачить ее. Она молила бога об одном: пусть у нее будет возможность переждать, собраться с мыслями, подумать о том, как сберечь эту явно незаслуженную нежность, которая щедро вручалась ей каждый день просто так, «просто потому что ты – это ты».

Временами ее, конечно, затягивала их совместная каждодневная жизнь, и тогда казалось, что они с Вадиком будут вместе всегда. Нет, ну в самом деле, ведь они одно целое, думала она. Ведь глупо бояться, например, что твоя рука или нога решит жить отдельно, так не бывает. Вадик все время был рядом. Даже когда он уезжал в командировки, он не давал ей заскучать: эсэмэски, звонки, все это было. Но в глубине души Тане было страшно, до жути страшно потерять его. У нее в голове что-то немедленно переключивалось, как только она начинала думать об этом. Потому и не думала – глушила в себе даже мимолетные мысли о возможной потере.

Так было до той злосчастной эсэмэски, которая сообщила ей о полном крахе. После нее смысл бояться, равно как и смысл жить, был утрачен.

Таня укуталась в плед, подошла к окну, где разгорался неяркий день, и снова вспомнила об отце. О том, как он горько переживал потерю своей Лерочки. «Ну, я в запой не уйду, – подумала она. – Но все же, как он вынес это?»

С затаенной надеждой на совет и поддержку она набрала отцовский номер.

– Привет, пап. Да ничего себя чувствую. Уже знаешь? Господи, откуда? Кассирша в гастрономе? А она-то откуда? Вот за это я и ненавижу наш город. Все всегда известно. Про всех. Ублюдство. Я не ругаюсь, пап. Злюсь просто. Бесит это все. Как ты можешь там находиться? Знаешь что, приезжай. Мне так плохо и страшно, что сил уже нет. Если у тебя дела, то приезжай хотя бы на пару дней. Хочешь, я оплачу тебе дорогу? Правда? Прямо сейчас можешь? Ты лучший, пап. Я буду тебя ждать. Адрес пришлю эсэмэской, хотя нет, как приедешь на вокзал, позвони, я встречу тебя возле метро. Найти дом просто, но я не хочу, чтобы ты плутал.

Ура! Приедет отец. Он до сих пор ни разу у нее не был. Не любил выезжать из города, с головой ушел в свои переводы, книги, закаты над рекой. Какая ей пришла отличная идея: и папа проветрится, и ей будет с кем поговорить, узнать, как лечатся от любви. Еще матери надо позвонить, но до четырех пока далеко. Мать в школе, и она терпеть не может, когда ее отвлекают от дел. Если б ее дочери проломили голову и отвезли в реанимацию, звонить все равно нужно было бы после четырех.

Чем же ей заняться до приезда отца? Таня огляделась: смятая постель, полуразоренный стол Вадика, на котором уже не было его ноутбука, исчезли флешки, хорошо оточенные карандаши, блокнотики, заметки на бумажках; остался лишь ее ноут, какие-то проводочки неясного применения, билеты с прошлогодней выставки и театральная программка. В осиротевшем шкафу лежали кое-какие его вещички. На стене висела картина Ларкиной мамы, подруга отдала им ее на хранение; напротив картины – какой-то пост с Карибских островов, куда Вадик все хотел поехать.

Вадик, Вадик... Таня вдруг поняла, как мало места занимает ее собственная жизнь. Если собрать все его вещи и то, что они покупали вместе, то комната вообще опустеет. Все совместные приобретения делались потому, что Вадик хотел, а она могла бы обойтись самым необходимым и без изысков. Стало вдруг так стыдно, что уютом здесь и не пахнет. Конура бродяжьей собачки.

Почему-то показалось, что придать минимальный уют ее квартире перед приездом отца очень важно, несмотря на то что тот всегда был равнодушен к чужим интерьерам и создавал себе какой-то особый холостяцкий уют с необходимыми только ему атрибутами: видом на закат, правильными полками для книг, удобным, обязательно из настоящего дерева столом и хорошим чаем, который он всегда заваривал самолично. Может, ему будет и все равно, но она и сама больше не хотела жить в подобии дворняжьей конуры, так обнажающей ее натуру.

Она взялась за работу. Музыка позабористей, страстная гитара вполне подойдет. Сначала надо убрать вещи Вадима. Пустота, так пусть будет честная пустота. Со временем она найдет, чем ее заполнить.

Ее порадовала вместительность синих сумок из ИКЕА, прекрасное изобретение! В них она сложила его летние рубашки и шорты. Ох, эту майку он носил в Крыму, а эти шорты они купили вроде бы на Кипре...

Так, поревела – и хватит. Продолжим. Ветровки, кроссовки, сандалии, толстовки. Сколько же вещей у него! Барахольщик. Вот зачем мужику три ветровки? Так и сумок может не хватить. Опа, не взял ни один из сувениров, которые они привозили из поездок. Ну так вот тебе. В толстовки – тарелку из Ялты, в сандалии – шишки с Алтая. Ты меня еще вспомнишь, не дам тебе так просто забыть эти шесть с половиной лет!

На фото в рамке лиц почти не видно: сзади их освещает солнце, но по тому, как он крепко ее обнимает, легко угадать, что она тонет в его нежности. Над этой фотографией она тоже поревела, а потом долго думала, оставить себе или положить в его вещи. И то и другое казалось заманчивым. В какой-то момент она страшно разозлилась, ей захотелось швырнуть фотку в стену, чтобы услышать, как треснет стекло, чтобы увидеть, как глиняная рамка разлетается на сотни маленьких частей, чтобы в стене осталась маленькая вмятина от удара. Таня так живо

представила это, что ее дрожь пробрала, но она сдержалась, снова расплакалась, завернула фотографию в футболку Вадика и положила в сумку, немного злорадствуя, немного сожалея.

Икеевские сумки – под стол, на стол – длинную скатерть, чтобы прикрыть их выпирающую, кричащую синеву. Мусор – в пакеты, свои вещи – на вешалку, постель убрать, постер с чужой мечтой долой.

Все стало таким голым, гулким. Но... ничего, зато теперь это все ее. Только ее.

Пылесос, тряпка, так, теперь кухня. Вот это дурацкую геометрическую скатерть со стола долой. Стол и так прекрасен своей деревянной простотой. Любимую кружку Вадика из «Старбакса» – в мусорку, она ей никогда не нравилась.

Что еще? Его полотенца и мужской гель для душа – в ведро, какое-то средство для волос и крем для бритья – туда же. Непонятные бутылочки и кремы? Вас ждет та же участь! Боже, даже косметических средств у него больше, чем у нее. Спрашивается, кто же из них двоих слабый пол? Зато теперь значительно больше пространства. *Ее* пространства.

Тапки его еще не забыть. В сумку засунуть или выбросить? Выбросить, старые. По Юлькиной квартире в таких затрапезных тапках наверняка не ходят. На помойку их.

Всё. Кра-со-та! Осталось только вынести мусор. Таня решительно нажала на кнопку лифта и с воодушевлением затащила в кабину мешки. Она почему-то ощущала себя очень взрослой, впервые за долгое время, а может, и вообще в первый раз. Чувствуя себя почти триумфатором, она подошла к зеленым мусорным бакам и выбросила мешки – нет, не мешки, часть своей прошлой жизни, дорогую для нее часть. «В *прошлом* дорогую, – мысленно поправила она себя. – Спасибо, что ты был со мной, спасибо за то, что случилось, но теперь я пойду дальше, и уже без тебя».

Воздав эту короткую благодарственную молитву, она бодро прошагала к подъезду, но в лифте снова разревелась: «Дальше уже без тебя – это, собственно, как? И куда дальше?»

Квартира встретила ее какой-то новой пустотой. Пожалуй, эта пустота ей понравилась. Вот так бы и было, живи она одна. Разве что немного безлико. Без характера. Но это поправимо, будет характер. Теперь это уже *ухоженная* конура, конура дворняжки... без особых примет.

Запел телефон (надо поменять мелодию, эту Вадик когда-то ей поставил). Папа. Приехал в Москву, будет минут через двадцать. Хорошо, значит, она успеет быстро в душ – и к метро.

– У тебя хорошая квартира, дочь. Минималистично. Удобно. Только книжные полки где? – первое, что сказал отец.

– Папа, мы уже давно читаем электронные книги. Все они вот здесь, в моей электронной читалке.

– Да понимаю я, понимаю, но книжных полок все равно не хватает. С ними уютнее, правда? Ну что, давай показывай, какой у тебя здесь чай. Что, вы тут только из пакетиков чай пьете? Дочка, ты прости, конечно, но это не чай. А это что за коробочка?.. Хм, отличный зеленый, прямо из Китая, судя по всему. Заварим?

– Да, конечно, это Вадика подарили. Давно еще, забыли про него. Давай заваривай, сейчас заварочный чайник откопаю.

– О времена, о нравы! Чай из пакетиков, электронные книги, что еще изменилось за то время, пока я оплакивал свою любовь? Помнишь, у Бродского: «Увы, тому, кто не способен заменить собой весь мир, обычно остается крутить щербатый телефонный диск, как стол на спиритическом сеансе, покуда призрак не ответит эхом последним воплям зуммера в ночи». И где сейчас «щербатые диски»? Разве можно написать оду этим штукам с тачскрином? Такое вот слово я узнал от парня, что недавно продал мне новый телефон. Прогресс все больше отменяет романтику бытия. Уже никто не признается в любви в письме, пахнущем лавандой и робкими надеждами.

– Зато, нимало не смущаясь, можно объявить о разрыве эсэмэской.

– Это правда? Твой мужчина расстался с тобой по телефону?

– Ну, в общем, да. Правда, я настаивала на том, чтобы встретиться и поговорить. Хотя сейчас жалею об этом.

– Почему, милая?

– Это очень унижительно, пап, спрашивать: «Почему ты от меня уходишь?» Унижительно преданно смотреть в глаза, до последнего надеясь, что все не так. Как будто пытаешься вдохнуть в него любовь, как цыганка втюхивает кому-то просроченный товар.

– Во-первых, цыганки ничего не втюхивают, наоборот, они берут то, что плохо лежит. И что хорошо – тоже. Их бог, хотя они вроде православные, разрешает им воровать. Ты же не ворует, дочка. И любовь твоя не просрочена. Она свежа и прекрасна, просто почему-то стала именно им не востребована. Он не захотел ее, так бывает. В какой-то момент кому-то не подходит то, что у тебя есть, что ты предлагаешь. Но от этого оно ни на каплю не становится испорченным. Твоя любовь, ведь мы о ней говорим, по-прежнему щедра. Ведь любить – это так естественно. Любовь всегда прекрасна, запомни, даже если она *убийственно* прекрасна, как у того рабочего – помнишь? – что придушил свою жену.

– Он не рабочий, пап, он был директором завода. Это Ларкин отец. Ларка ведь теперь в Москве, мы с ней как сестры.

– Ну да, ну да... – закивал отец. – Любовь твоей матери тоже была убийственно прекрасной.

– Кстати, который час? – спохватилась Таня. – Извини, пап, я должна срочно позвонить ей, забыла совсем. Я ей обычно в четыре звоню. Что, уже четыре сорок? Боже... Алё, мам? Почему не звоню? Вот же я, звоню. Ну да, папа у меня. А ты откуда знаешь? А, понятно, кассирша на станции. Да ничего, мам, мы просто разговариваем, чай пьем. Ну почему я не могу с тобой так разговаривать? Я же звоню тебе. Я не запрещаю тебе приезжать, мама, просто папа у меня еще ни разу не был, вот и выбрался наконец. Я не забыла о тебе, сейчас всего четыре сорок, хорошо сорок пять. Ну да, я отвлеклась, но не буду же я сидеть и смотреть на часы. Мам, чего ты волновалась? Ты бы и сама могла набрать меня, когда освободилась. Ты же не любишь, когда тебя отвлекают от работы. Мам, ну не начинай, прошу тебя. Мама, алё?... Бросила трубку. Папа, вот скажи, как жить? Я не могу больше, что бы я ни сказала, что бы ни сделала, она обижается. Вот что мне делать?

– Ничего, дочка, это ее способ любить.

– Ну что это за любовь такая, пап? Как можно так любить? Она же убивает меня!

– Вот видишь, это то, о чем я говорил: *«Как жаль, что тем, чем стало для меня твое существование, не стало мое существование для тебя»*. Тебе, дочка, не взять ее любовь, потому что ее любовь не та, что тебе сейчас нужна. И на самом деле она злится из-за меня.

– Из-за тебя? Почему? Что ты сделал такого? Ну... кроме того, что ты сделал раньше?

– Почему, ты думаешь, она отпустила тебя в Москву? Я же виделся с ней после той нашей встречи.

– Ты приходил к нам домой?

– Нет, домой нет. Я встретил ее у школы. Проводил. Сказал, что видел тебя и что теперь твердо намерен с тобой общаться. Запретить это она уже не может, потому что ты взрослая. А я уже слишком стар и слишком много пережил, чтобы бояться. Тогда она сказала, что если не в ее силах выпроводить меня из города, то она сделает все, чтобы ты уехала в Москву и никогда меня больше не видела. Не обошлось, конечно, без угроз, проклятий и обвинений. Но в какой-то момент она поняла, что меня ей не пронять. Мне просто нечего терять, и я от нее никак не завишу. Вот так ты заполучила свою свободу.

– То есть ты специально? Ты знал, что она отреагирует именно так? За что она тебя так ненавидит, папа? За Лерочку? За то, что ты с такой страстью любил не ее?

– Думаю, это ревность. Ей даже помыслить страшно, что ты можешь любить кого-то еще, кроме нее. Я полагаю, что она позволила тебе влюбиться в этого твоего Вадима только потому, что ты не рвалась замуж, а все, что не замуж, для нее как бы не по-настоящему. Временное, пройдет... Думаю, она ликует. Когда ты с Вадимом своим рассталась, ну, точнее, когда он так опрометчиво отверг твою любовь, она всем вокруг говорила: «Я так и знала, что этим кончится. Эта безответственная молодежь совсем не умеет любить, и уж тем более не представляет, что такое узы брака». Представь себе, так и сказала: «Узы».

– Она все эти годы ждала, что я вернусь, даже не знакомилась с Вадимом, а мне говорила, что это ненадолго, что Настоящий Мужчина, который мог бы любить женщину, еще не родился. Пап, расскажи, а как вы с ней познакомились? Ты же понимаешь, что она сама никогда мне об этом не рассказывала.

– Как... Я учился в Питере, тогда Ленинграде, по распределению поехал в Кокчетав, но проработал там недолго: пришлось вернуться в родной город, потому что мама моя, твоя бабушка, уже начала болеть. По специальности в нашем городе устроиться я не мог, вот и пошел в школу. В Алину школу. Она меня с радостью взяла, мужчинам в педагогике всегда приоритет. Бывает, что и физкультуру женщины ведут, не хватает мужиков. А тут я, да еще и предметы важные: литература, русский язык, английский... Английский я вел в самой сильной группе. В школе ко мне тепло отнеслись. Женщины сразу окружили заботой. Кто печенье принесет, чтобы угостить, кто яблочки из своего сада. Всем хотелось меня накормить, я ж худой тогда был, не то что сейчас... Я им говорю: «Да что вы, я с мамой живу, она отлично меня кормит». Мама, повар в прошлом, прекрасно готовила, несмотря на больные ноги, и все это знали. Но дело не в этом, просто была такая женская конкуренция. Они, Тань, такими трогательными были...

– Что, даже Светлана Сергеевна?

– Она вообще была нежным созданием. Ну да, колючая, как еж. Сосредоточенная, строгая. Так физик же. Физика обязывает. Но иногда она бывала такой... слабой, что ли. Беззащитной... Особенно когда сын у нее болел – сама не своя ходила. Я ей травки всякие доставал через знакомых с Севера. Ты бы видела, как она их принимала: с такой благодарностью невероятной. Это сейчас она постарела, озлобилась, устала. Трудно столько лет сражаться с тем, что победить нельзя.

– Ну, так что, ты и мама? Она в тебя влюбилась или ты в нее?

– Был новогодний праздник, дети свое уже отгуляли, мы сидели, салаты, шампанское, музыка – все как всегда. А у нас тогда работала Натали-воробышек, такая маленькая, темненькая, одевалась всегда со вкусом, голос с хрипотцой... На Эдит Пиаф похожа, среди детей у нее и кличка такая была, только сократили ее, засранцы, но стало еще точнее – Пиф. Французский преподавала. Так вот она и поставила французскую музыку. Ну, ты знаешь, эти песни всех переносят в иные миры: будто бы и не в провинциальной школе мы, а где-то, где женщины пахнут духами, а не безнадежностью и страхом остаться одной навсегда. Ну, нас с Натальей и закружило... Сначала в ритме вальса, не думай. А потом... Потом твоя мама ее уволила. Сказала, чтобы с новой четверти не выходила. Я пришел защитить молодую «французенку», такую талантливую, такую... Тань, я был молод и глуп: чувствовал себя благородным рыцарем, вступающим за прекрасную даму, цитировал... не помню, наверное Шекспира, я тогда им очень увлекался. Говорил, говорил, соловьем разливался и не замечал, что Алечка все мрачнела и мрачнела. И вдруг она взорвалась. Ка-а-ак треснет по столу. Как закричит: «Достаточно, Павел Семенович! Что вы тут себе позволяете!» И тут до меня дошло, поздноовато, к сожалению: что самая несчастная, самая нуждающаяся в любви среди этих педагогических фей директорша. Такая еще молодая, а делает вид, что ей никто не нужен. Ну как не нужен? Всем всегда кто-то нужен. В общем я подошел к ней и обнял. Она сначала стала вырываться: «Что вы себе позволяете!» – а потом как заплачет. Горько так, как девочка. Всхлипывает, бормочет что-то,

не понять. Вот так мы и познакомились поближе, дочка. А Пиф она все же уволила. Алечка же никому не верит. Тяжелая судьба. Мать у нее сидела, да и с отцом совсем беда. Ты знаешь эту историю?

– Нет, конечно. Разве мама хоть что-нибудь о себе расскажет... В других школах, я знаю, делали Дни памяти про бабушек-дедушек репрессированных. При мне в библиотеке девчонка одна спрашивала, как лучше подготовиться, ей какие-то книжки дали. Я маму потом спросила: «А в нашей школе такое будет?» Пап, она знаешь как на меня посмотрела? Своим любимым взглядом. А потом сказала: «Больше в библиотеку не пойдешь. Если нужны книжки, скажешь, сама принесу».

– Ну, твоя мама любит все драматизировать. Тогда же все были в мясорубке, не только ее семья. Хотя им, конечно, здорово досталось. История такая, я не все, конечно, знаю, но что-то знаю. Светлана Яковлевна, Алина мать, росла с отчимом, поскольку ее мать посадили при Сталине и отправили в лагерь. А незадолго до этого посадили отца Светланы Яковлевны. И ее мать, предчувствуя свой арест, скоропалительно вышла замуж за какого-то торгового упыря, который давно ее домогался. Замуж она пошла с одним условием: если что с ней случится, над дочкой он возьмет опекунство или удочерит, чтобы в детдом не попала. В общем, бабушка твоя росла с этим упырем, и он ее, прости за подробности, имел, как ему хотелось, интеллигентнее мне, пожалуй, не выразиться. Когда она совершеннолетней стала, оформил девчонку к себе в магазин бухгалтером, а через несколько лет повесил на нее все растраты. Ее отправили в тюрьму, где она узнала, что беременна. Упырь в какой-то момент одумался, подключил связи, вытащил ее из тюрьмы и привез домой вместе с маленькой Алечкой. Бабушку твою после тюрьмы куда на работу не брали, но этот упырь пообещал устроить, однако с условием, что она разрешит ему взять опекунство над девочкой. Такое можно было сделать через фиктивный брак. Но она, хорошо помня, во что для нее самой вылилось опекунство, бежала с ребенком на Север то ли дорогу железную строить, то ли комбинат какой-то. Там ее взяли, закрыв глаза на ее прошлое. Взяли не в рабочие, рабочих там было хоть отбавляй, а не то товароведом, не то бухгалтером, уж не знаю точно. В какой-то момент этот упырь разыскал ее и приехал. Угрожал, умолял, просил вернуться. До такой низости докатился, что рассказал всему поселку ее историю. Ну мужики-работяги – народ прямой, они ему быстро объяснили, куда и в какие сроки он должен убраться. Уехал. Но мать и дочь жили в постоянном страхе. Светлана Яковлевна до ужаса боялась, что он может приехать и дочку украсть. Она просила Алечку сидеть в школе до последнего, а потом с учителями домой идти. Потом, Таня, и вовсе кошмар начался. Однажды Светлана Яковлевна засиделась на работе допоздна, отчеты какие-то не успевала сдать, что ли, и в магазин забрались уголовники. Места-то дикие, может, сбежали откуда-то, может, местные, кто знает. Убили они Алечкину мать, убили жестоко, по-зверски. Наверное, она сопротивлялась отчаянно, в закрытом гробу потом хоронили. Алечке было лет пятнадцать уже. Опять детский дом замаячил на горизонте как ужасная перспектива. Но, к счастью, над ней ее любимая учительница опеку оформила, пожалела. Да и вообще ее весь поселок любил, сочувствовали ее сиротству. А потом она поступать в институт уехала, в педагогический, всегда хотела стать учителем. После института в наш город попросилась. Светлана Яковлевна и ее мать из этих краев были, вот ей и хотелось к корням вернуться. Нелегко пришлось твоей матери, дочка. Натерпелась Алечка, поэтому за тебя боится.

– Какая ужасная история, папа! О господи... Бедная мама, бедная бабушка! Как же им досталось! Но почему она мне ничего не рассказывала?

– Стыдилась, полагаю. Или боялась, что ты переживать будешь.

– Буду! Конечно, буду! Как тут не переживать. Бедная мама... Теперь мне хотя бы понятно, почему она такая. Ведь это часть и моей истории, я должна была это знать! А где теперь этот упырь, как ты его называешь, ведь он мне дедушка, так получается?

– Упырь скончался от рака в тот год, когда ты у нас родилась. Как потом выяснилось, он даже оставил Алечке наследство: в Твери у него была приличная жилплощадь, но она, конечно, вступать в наследство не поехала. Плакала сильно, молоко у нее тогда пропало, и я на молочную кухню бегал. А потом она кормилицу нашла для тебя.

– Боже мой, почему я всего этого не знала! О чем я тут переживаю? Вадик меня бросил! Да все мои страдания кажутся такими глупыми в сравнении с тем, что им досталось!

– Не надо, не ругай себя, дочка, каждому свое. Страдания нельзя взвесить ни на каких волшебных весах. Им досталось свое, а у тебя свое. Нелепо говорить: «Вот наши беды – это настоящие беды, а ваши что?» Глупость какая! Наше субъективное переживание горя и потерь несравнимо и бесценно. Никто не вправе измерять наши потери своими мерками. Еще раз повторю: каждому свое. Недаром говорят: прежде чем судить меня, проживите сначала то, что мне выпало, снесите сначала мои башмаки. Так что тебе выпало, дочка?

– Стыдно говорить, пап... Такое ощущение, что мои башмаки, похоже, стояли на полке все это время, это и есть самое страшное. Рядом с Вадиком я будто бы и не жила. Не было меня – был только он, и я на нем... висела, что ли. В том смысле, что не ходила по земле собственными ногами, решений не принимала, хотеть не хотела, просто плыла-плыла по течению, радуясь, что он всегда рядом и всегда знает, что хочет. Думала, что он видит наше совместное будущее, знает, как нам жить. Мне это так нравилось. Он, конечно, временами хотел всякие глупости, но я думала, ладно, не страшно, потерплю, закрою глаза, ну вот такой он человек, все люди разные. Я такая – он такой. Вот только этого «я такая» почти не было. Мне всего лишь казалось, что есть. Да я просто за его спиной была, как в укрытии, спряталась от жизни, от того факта, что я понятия не имею, как жить. Веришь? Вообще не никакого представления!

– А что плохого в том, что ты плыла с ним рядом, как ты говоришь? Любовь дарует и благословляет. Она...

– Папа, ну о чем ты? Я тебе о том, что не жила на самом деле. Мне почти тридцать, а я не знаю, кто я. Посмотри на эту квартиру, в ней же нет никакого характера, духа, особенности, души. А знаешь почему? Потому что у меня нет особенностей. И характера тоже, видимо, нет. Да и откуда мне его иметь? Характер было позволено иметь только твоей Алечке! Которая увольняла негодных направо и налево. А особенности? Где бы мне было возможно их приобрести? Если я всю жизнь мечтала от них избавиться и слиться с фоном этого чертового города, чтобы все уже перестали меня замечать, обсуждать каждое мое нелепое движение!

Она не заметила, как начала кричать, в ключья порвала салфетку, которую задумчиво крутила все это время. Ей было уже неостановимо не жаль отца, который как-то съезжился и опустил глаза.

– Я тебе про любовь, дочка. Ну чего ты кричишь? В любви да, иногда приходится задвигать куда-то свои желания, да и характер попридержаться. Ты же другого любишь, не себя.

– Вот именно! А кем ты тогда другого любишь, если себя задвинул? Кто остается? Только тот, на кого ты распространяешь свою, черт побери, долбаную «святую» любовь?

– Таня, прошу тебя, перестань ругаться...

– Да я еще и не начинала ругаться! Пап, меня тошнит, когда ты говоришь о любви, как кисейная барышня из Института благородных девиц! Тошнит от вашей истории с этой сю-сю Лерочкой! Она взрослая женщина, папа! Действительно простая и хорошо знающая, чего хочет. И всегда такой была! Все это видели, кроме тебя, а тебя называли тряпкой, юношей пылким со взором горящим. И это было стыдно, стыдно! Стыдно, что она так лихо тебя окрутила! Она, она! А тебя самого и не было. Как личности, как человека. Исчез! Начисто! Стыдно, ты слышишь?!

Она понимала, что делает больно отцу. У любого защемило бы сердце, глядя на его опущенные плечи. Но она не могла остановиться. Боль и ярость за собственную непрожитую жизнь заставляли ее кричать все громче.

– Прошу тебя, не говори про Лерочку плохо. Да, я виноват перед тобой, но ее, прошу, не трогай. Я по-прежнему люблю эту женщину.

– Как можно так слепо любить, папа! Кого ты в ней любишь? Ну где в тебе хоть капля мужского? Где твои чертовы башмаки?! – в порыве гнева она стукнула ладонью по столу.

– Я пойду, дочка. Видимо, мне нужно идти. Ты извини, я, наверное, расстроил тебя... – он поспешил в прихожую, стал неловко обуваться, ноги никак не лезли в разношенные грязные ботинки.

Таня осталась сидеть в кухне, сжавшись в комок на табуретке. Ей было стыдно, но и ярость не отпускала. Она не могла остановить отца, не находила в себе сил извиниться или хотя бы сказать: «Спасибо, что приехал». Ей снова отчаянно захотелось умереть.

«Ну почему, почему нет никого рядом из взрослых и мудрых, никого!» – кричала каждая клеточка внутри. Никто не спасет, не объяснит и не расскажет. Каждый увяз в своем болоте, и нет такого человека, который бы понял ее, подсказал, что делать, или хотя бы выслушал до конца. Одна. Одна. Одна...

– Эй, ты здесь?

Стукнула дверь, и в прихожей сразу стало шумно: шорох пуховика, грохот сброшенных сапог на платформе, стук тяжелой сумки об пол. Все ясно, Ларка пришла.

– Нет, ты прикинь, до чего я доработалась, – сказала она, заходя в кухню. – Черт-те что мерещится. Показалось, что возле метро я Пал Семеныча увидела, представляешь?

– Тебе не померещилось, – буркнула Таня, уткнувшись в коленки. – Это он и есть, собственной персоной.

– Да ты что?! Тань, отец к тебе приезжал! Надо же, радость какая. А чего ушел так быстро? – Ларка с грохотом выгружала на стол продукты. – Смотри, чего я тебе купила! Свежие огурцы, чуешь, как пахнут? Ммм, сейчас салат забабахаем, я еще укропчик и израильскую редиску купила у той бабки, помнишь, что тебя обсчитывает все время. В этот раз я зорко за ней следила, за ведьмой такой. Три раза перевешивали! Так куда Пал Семеныч пошел-то, когда вернется? Я мясного ничего не купила, чем мы его кормить-то будем? Чего молчишь, надулась?

– Лар, я сволочь неблагодарная. Папа приехал ко мне, потому что я его попросила, а потом, получается, сама и выгнала. Можешь представить?

– Ты чего? Опять, что ли, доктора вызывать, чтобы он тебе успокоительное вколлот? За что ты выгнала родного отца?

– Я же сказала, я идиотка. Но я теперь понимаю, почему его оставила Лерочка, и почему Вадим меня оставил, тоже понимаю. Поделом нам, витающим в облаках. Вся в него: романтическая дура, начиталась книг среди провинциальных куполов и церквей. Как же это, оказывается, глупо выглядит со стороны... Господи, стыдно-то как. Глупо и мерзко. Такие все из себя сладенькие, всех любим, мол, «только любовь и всепрощение», Достоевщина какая-то, фу. А на самом деле просто боимся жить. В нашем сраном городе все бояться жить! Может, единственным, кто не боялся, был твой отец. Он был воплощением жизни и страсти, ничто его не могло ни запугать, ни остановить. Поэтому на него и смотрели с опаской.

– Слышь, подруга, тебя, по-моему, серьезно занесло. Остановись, пока от меня не схлопотала, и отца моего не трогай! – Ларка помрачнела, но Таню уже невозможно было остановить.

– Даже твоя мать! Она жила! Творила то, что никто не понимал и никто не мог оценить. Над ней смеялись: «блаженная», «не от мира сего»... А она плевала на все это, просто писала свои картины, потому что ей было что сказать. Понимаешь, Ларка, она была тем человеком, которому было что сказать этому миру, и плевать, оценит это как-то мир или не оценит. Она тоже не боялась ни черта.

– Что ты можешь знать про нее, коза щипаная? – Ларка вдруг придвинулась к Тане вплотную и схватила ее за потертый свитер так, что тот натянулся и сдавил ей горло. – Что ты, долбаная принцесса, можешь про нее знать? Ты жизни не нюхала, чтобы судить ее. Она боялась, и боялась так, что не могла спать! Вообще почти не спала. Она росла с сумасшедшей матерью, которая кидалась на нее с ножом, а то и с топором. Благо, бабка моя хилая была, мама легко с ней справлялась, но та и правда могла убить ее в любой момент, особенно ночью. Сколько лет прошло, прежде чем мама все же решилась ее в психушку сдать. Ты представляешь, как жить с таким страхом всю жизнь? Откуда тебе знать, если тебя оберегали от всего? Твоя мать, если б могла, микробов бы всех истребила, лишь бы ты не чихала. Отец приезжает к тебе по первому зову, слушает тебя, писюху такую, слезы твои утирает, а ты его прогоняешь. Ишь, королева недоделанная, мамкины замашки переняла: «Ах, раз так, не по-моему, подите вон!»

– Лар, отпусти, задушишь же, – взмолилась Татьяна. – Ну, прости меня, я дура. Да сядь ты уже. Не буду я больше. Я ведь не знала про твою маму, прости... – злость как-то разом утихла, она подошла к подруге и обняла ее белесую голову. Та забрыкалась, забухтела что-то нечленораздельное, а потом разрыдалась.

Таня растерялась, она редко видела Ларку плачущей. Она не плакала ни когда маму хоронили, ни после суда над отцом. Перед отъездом в Москву они вместе ходили на кладбище; «великанша» встала на колени, обняла небольшой гранитный памятник с фотографией, на которой ее мать выглядела актрисой из старых западных фильмов, и долго гладила холодный камень, что-то нежно шепча. Но она ни слезинки не проронила. А теперь тихо скулила ей в плечо, вот тебе и на!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.